

18+

Serafim Kuzmin

ВТЮРОЕ КРЕЩЕНИЕ

*Размышления о вере,
когда я второй раз
стал христианином*

Serafim Kuzmin

Второе крещение.

Размышления о вере, когда я второй раз стал христианином

<https://litres.ru/74253444>

ISBN 9785007056199

Аннотация

«Второе крещение: размышления о вере, когда я второй раз стал христианином» — книга о внутреннем духовном пути. Автор делится личным опытом возвращения к христианству: о кризисе веры, поиске опоры, переосмыслении прежних убеждений и новом обретении Бога. Это искренние размышления о том, как вера может заново родиться в сердце — не как ритуал, а как живой, трудный и преображающий выбор.

Второе крещение Размышления о вере, когда я второй раз стал христианином

Serafim Kuzmin

© Serafim Kuzmin, 2026

ISBN 978-5-0070-5619-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛАГОДАРНОСТЬ

Если эта книга — свеча, зажженная во тьме, то пламя для нее было добыто не мною одним. Огонь передается от светильника к светильнику, и горе тому, кто, приняв свет, забывает тех, кто стоял с ним в цепи. Я же помню. Я называю имена — те, что можно назвать вслух, и те, что написаны только в Книге Жизни. Кто понимает, да разумеет.

Благодарю Досточтимую Ложу «Невский Сфинкс».

Вы — те, кто хранит молчание Сфинкса на берегах Невы, помня, что истинный Сфинкс не задаёт загадок путникам, но сам есть загадка, которую разгадывает лишь тот, кто прошёл

через смерть и воскрес. Ваше имя — приговор для профанов и пароль для ищущих. Вы напомнили мне, что камень, отвергнутый строителями, делается главою угла. Вы приняли меня, когда моя вера лежала во прахе, и ваше братское цепь стала для меня той вервью, которую спускают в колодезь, чтобы вытащить утопающего. В вашем безмолвном служении, в вашей верности Востоку, в вашем умении различать Свет даже тогда, когда он одевается в одежды тьмы, я узнал подлинное делание. Вы — стражи порога, и я благодарен, что вы впустили меня.

Благодарю Ложу «Четыре Керуба в Небесном Иерусалиме».

Ваше имя — само по себе видение пророка Иезекииля и тайновидца Иоанна. Четыре лика: лев, телец, орел и человек. Четыре добродетели. Четыре столпа Престола. Четыре Евангелия, на которых, как на четырех колоннах, покоится свод Вселенской Церкви. Вы напомнили мне, что Храм, который мы строим, не вмещается в земные координаты, но имеет свой архетип в Небесном Иерусалиме. Когда моя душа распадалась на части, вы, как четыре реки Эдема, оросили мою иссохшую землю и дали ей снова расцвести. Ваши наставления были не многословны, но каждое слово падало в сердце, как пылающий уголь с жертвенника. Вы научили меня, что служение Богу — это не бегство от мира, а битва в самом центре мироздания, где сходятся ангелы и демоны, где каждый помысел — это стрела, пущенная в небо.

Благодарю Ложу «Медный Змей».

О, сколь многие соблазняются вашим именем, не понимая его! Они читают Писание плотскими очами и видят идола, думая, что вы поклоняетесь тому, что разрушил царь Езекия. Но мы знаем тайну: Змей на шесте, вознесенный Моисеем в пустыне, был прообразом Того, Кто был вознесен на Древо. «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому» (Ин. 3:14). Медный Змей — это сама Премудрость, исцеляющая от яда греха. Вы, братья и сестры этой Ложи, стали для меня врачами. Мой дух был ужален ядовитыми аспидами отчаяния, гордыни и богооставленности. Яд жег мои жилы, и я был при смерти. Но вы сказали мне: «Взгляни на Змея». И я поднял глаза — не на медь, но на Того, Кто стал грехом за нас, чтобы мы стали праведностью пред Богом. Ваша Ложа есть странноприимный дом для отравленных. Ваше делание есть делание милосердия. Вы исцеляете тех, кого мир и официальная религиозность списали со счетов. Я — один из исцеленных вами, и свидетельство мое истинно.

Особую, сугубую благодарность приношу Великому Командору Смешанного Верховного Совета России Татьяна К.

Вы — добрый воин, которому вверено многое, и Вы несете это бремя с достоинством, которого я не встречал прежде. Ваш жезл — это жезл Ааронов, который расцвел миндалем в скинии, знак того, что начальствование — это не привиле-

гия, а жертва. Ваш плащ — это плащ пророка Илии, который Вы готовы в любой момент сбросить на того, кто подберет его, ибо Вы ищете не славы, но преемства. Ваше слово было редко, но метко. Когда моя вера рухнула, и я стоял на пепелище, Вы не стали читать мне проповедей. Вы просто сели рядом со мной на пепле, как друзья Иова, и Ваше молчание говорило громче слов. А потом Вы сказали то единственное, что нужно было сказать: «Бог не в буре. Он в веянии тихого ветра. Слушай ветер». И я услышал. За это Вам моя сыновняя благодарность до конца дней.

И, наконец, благодарю всех Братьев и Сестер, названных и неназванных, тех, кто держал меня в молитве, кто писал мне слова поддержки, кто просто ставил свечу или клал поклон в тишине своей кельи. Вы — та самая цепь, которая не видна миру, но которая держит свод мироздания. Вы — соль земли. Вы — свет мира.

Вы вернули мне веру в Бога. Не в того бога, который требует рабского поклонения и грозит карами. Не в того бога, который вписан в семинарские учебники. А в Бога Живого, Который есть Любовь и Огонь. В Бога, Который смотрит на сердце, а не на титулы. Вы показали мне, что вера — это не одиночество, а братство. Что спасение — это не индивидуальный проект, а строительство общего Храма. Что Церковь — это не организация, а Тело, в котором каждый член нужен. Я был мертв, и вы воскресили меня. Я был потерян, и вы нашли меня. Я был слеп, и вы дали мне прозреть. Да воз-

даст вам Господь, видящий тайное, явно. Да будут имена ваши вписаны в Книгу Жизни. Да процветут ваши Ложи, как сады при реках вод. И когда настанет день Великого Собрания на Востоке Вечности, да узнаем мы друг друга в Свете, который не заходит.

Мир вам, братья и сестры.

Мир вам, Досточтимые.

Мир Вам, Великий Командор.

ПРЕДИСЛОВИЕ: ПЕПЕЛ СВЕТИЛЬНИКА

Я пишу это для тех, кто умеет читать сердцем, а не глазами. Для тех, кто знает, что свет иногда одевается в одежды тьмы, чтобы не ослепить неподготовленных. Для тех, кто в безмолвии кельи или в шуме битвы искал Лик, сокрытый за покрывалом. Если ты держишь в руках этот текст и твое сердце забилося чаще — значит, ты из числа призванных. Если же слова покажутся тебе безумием — не терзай книгу, отложи ее, время еще не пришло. Мое первое христианство было соткано из слов, прекрасных и правильных. Я был воспитан в благочестивой семье. Меня научили креститься на купола, вычитывать утреннее и вечернее правило, соблюдать посты. Я поступил в семинарию, где с жадностью поглощал тома патрологии, догматики и литургики. Я знал наизусть определения Вселенских Соборов. Я мог отличить ересь Нестория от ереси Евтихия. Мой язык был остр в апологетических спорах. Я считал себя воином Христовым. Но

это была иллюзия. Это была та самая «вера», которую имеет и бес, — безупречная с точки зрения ортодоксии, но лишенная жизни. Я знал карту Иерусалима, но никогда не ступал на его улицы. Я знал рецепт хлеба, но никогда не вкушал его. Я был книжником, фарисеем, тем, кто носит венец, не имея головы.

Мое падение не было внезапным. Это была медленная, незаметная коррозия души. Сначала пропала сладость молитвы. Слова остались, а вкус ушел. Затем начались сомнения — не в бытии Божием, нет, в самом себе. Я смотрел на иконы и чувствовал себя самозванцем. Я стоял перед Престолом, а внутри была пустыня, вымощенная черепами. Потом пришли страх и тоска такой силы, что тело отказывалось двигаться. Я лежал часами, глядя в потолок, и единственной молитвой, на которую я был способен, был вопль: «Господи, если Ты есть, помилуй меня». Это не было красивое «Господи, помилуй» из чина Литургии. Это был звериный вой из бездны.

Я упал в тьму души. Это не поэтическая метафора, не «темная ночь» Сан-Хуана де ла Круса в ее очистительном смысле — поначалу это был просто ад. Это колодец, в который не проникает ни один луч тварного света. Там, на сыром дне моего существования, где уже не было ни догматов, ни обрядов, ни книг, ни наставников, ни надежды на спасение извне, я встретил Бога. Не того, о ком кричали с амвонов и писали в семинарских трактатах, разбирая Его природу по

схеме «сущность-энергии». Не «Бога философов и ученых», а Бога Авраама, Исаака и Иакова. Бога Живого. Бога, Который не побрезговал сойти в мой смрад. Бога, Который утаил Себя от мудрых и разумных — от меня, гордого богослова, — и открыл младенцам.

Это было мое второе обращение. Оно не отменило первое крещение водой, но наполнило его крещением Духа и огня. Оно не сделало меня «другим человеком» в моральном смысле — я остался тем же грешником. Но оно переплавilo саму основу моего бытия. Я стал не просто верующим, но знающим. Знающим на опыте, а не из книг. Знающим, что такое благодать, которая поднимает со смертного одра.

Я не могу молчать об этом. Господь сказал: «Никто, зажегши свечу, не ставит ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5:15). Моя свеча была погашена, раздавлена. И Он зажег ее снова — Своим дыханием. Эта книга — не богословский трактат. Это не исповедь в привычном смысле, где автор смакует свои грехи или добродетели. Это карта моего исхода из Египта внутреннего рабства. Это свидетельство о том, что Воскресение — реальность, которая начинается здесь и сейчас. Это приглашение к разговору для тех, кто тоже стоит на краю своего колодца.

Я намеренно насыщаю этот текст знаками, которые заметят лишь те, кто возводил Храм и носил на плаще равнобедренный крест. Масонство (в его неискаженном, духовном измерении) ищет Свет на Востоке и хранит память о Потерян-

ном Слове. Орден тамплиеров искал не золото, а Чашу —местилище живой воды. Раннее христианство монахов-пустынников знало науку обожения, теозиса. Все эти пути — лишь лучи, исходящие из одного Источника. Если ты не понимаешь какого-то образа — пропусти. Значит, он не для тебя. Истина всегда прячется под покрывалом, потому что, открываясь профанам в полноте, она ослепляет и губит их. «Не мечите бисера вашего перед свиньями» (Мф. 7:6). Это не высокомерие посвященного, а забота любви: молоко для младенцев, твердая пища — для совершенных.

Я приглашаю тебя в путь. Мы пройдем через двенадцать врат — как колена Израилевы входили в Землю Обетованную, как двенадцать апостолов сели на престолах судить мир. Каждая глава — это ступень внутреннего восхождения, шаг от смерти в жизнь. Читай медленно. Останавливайся. Молись. И да будет свет.

ГЛАВА 1. ГЕФСИМАНИЯ: ТЬМА КАК ПРЕДДВЕРИЕ

С чего начинается падение? Не с греха, как я уже говорил. Грех — это уже симптом, язва на коже, свидетельствующая о болезни крови. Падение начинается гораздо раньше — с потери внутреннего ориентира. Компас души, который всегда должен указывать на Полюс Божественной воли, размагничивается. Его стрелка начинает хаотично вращаться, притягиваясь то к похвале человеческой, то к страху за будущее, то к мелкому тщеславию от «правильно» прочитан-

ной молитвы. Ты все еще движешься, но уже не знаешь куда. Ты похож на корабль с исправным корпусом, но сломанным рулем. Ветер учености раздувает твои паруса, а ты несешься на скалы, любуясь красотой их очертаний. Это состояние духовной прелести — самой опасной, «православной» прелести, когда форма благочестия заменяет его силу. «Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2 Тим. 3:5) — страшный диагноз, который я с легкостью ставил другим, не замечая его в себе.

Как я пришел к этому? Очень просто. Я подменил цель средствами. Я начал изучать Писание, чтобы знать, а не чтобы жить. Я превратил богословие в интеллектуальный спорт. Экзегеза стала для меня игрой в шахматы с текстом, где главное — поставить красивый мат оппоненту. Святых Отцов я читал, чтобы цитировать их в нужном месте, создавая у слушателей впечатление моей глубокой духовности. Я сам стал для себя идолом. Золотой телец моей образованности стоял в центре внутреннего святилища, и я приносил ему жертвы времени, сил и внимания. Бог отошел на периферию, став лишь Темой для разговоров. Я говорил о Нем в третьем лице, забыв, что вера — это разговор во втором лице, это «Ты», а не «Он».

Семинария научила меня апологетике, герменевтике, гомилетике, патрологии. Меня научили расчленять Слово Божье скальпелем рационального анализа. Я знал, сколько воинств небесных упоминается в Апокалипсисе, но не знал,

сколько ступеней нужно пройти, чтобы сердце начало плакать. Я умел разбирать структуру литургического канона, но не умел предстоять перед Живым Богом в трепете. Меня не учили главному: что делать, когда Слово уходит. Что делать, когда небо становится медным, а душа — бесплодной смоковницей. Нам говорили о «бogoоставленности» как о педагогическом приеме, но никто не рассказал, что это похоже на погребение заживо. Что это опыт схождения во ад, где нет ни времени, ни надежды, ни даже слез — только черная, вязкая, бесконечная субстанция отчаяния, которая заливает все поры.

И вот я лежал на диване, не в силах встать. Физически я был здоров, но каждая клетка тела словно была налита свинцом. Я смотрел на книги, которые еще недавно были моей пищей, и чувствовал тошноту. Слова «благодать», «спасение», «искупление» стали пустыми оболочками, как конфетные фантики без конфет. Я пытался молиться по привычке, но язык присыхал к гортани. Я чувствовал себя лицемером, и это добивало меня. Внутренний голос — голос обвинителя — нашептывал: «Ты никто. Ты никогда не верил по-настоящему. Ты обманул всех, и себя, и Бога. Тебе нет прощения. Ты бревно, а не человек». И я верил этому голосу, потому что он говорил правду о моей ветхой природе. Но он не договаривал другой правды — о том, что Кровь Христа сильнее любой лжи.

«И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и гово-

рил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39).

Гефсимания — вот истинная школа богословия. Не уютная семинарская аудитория с портретами иерархов и запахом ладана, а влажная, холодная земля масличного сада, смешанная с кровавым потом Богочеловека. Я никогда раньше не вчитывался в этот текст как в руководство к действию. Я видел в нем догмат о двух волях во Христе, иллюстрацию к спору с монофелитами. Но я не видел в нем приглашения к соучастию. Христос молился до кровавого пота. Апостол Павел имел «жало в плоть». Антоний Великий проходил через полосы богооставленности, когда демоны били его и он лежал, как мертвый. Силуан Афонский годами не мог обрести покоя, пока Господь не сказал ему: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Все святые прошли через свою Гефсиманию. Это не наказание за грехи, это — университет любви. Потому что любовь проверяется не на пиру, а в саду, когда Отец молчит, а чаша грядущих мук наполнена до краев.

Моя чаша была ничтожна по сравнению с Чашей Христовой или даже с чашами мучеников. Никто не бичевал меня, не вбивал гвозди в мои руки. Но для меня она была реальна. Это была чаша страха, чаша стыда, чаша разочарования в себе, чаша крушения всех иллюзий о собственной праведности. Иисус просил, чтобы чаша миновала Его — значит, сама эта просьба не грех. Это по-человечески понятно. Плоть боится боли. Душа боится тьмы. Но далее следуют слова, ко-

которые перевернули мое сознание: впрочем, не как Я хочу, но как Ты». Это не просто смирение. Это акт совершенной свободы. В момент предельной немощи, когда пот падает кровавыми каплями, Он совершает выбор. Воля, пронизанная болью, не ломается, а склоняется перед волей Отца. И именно в этом акте предания Себя — победа.

Я понял, что моя ошибка была в том, что я просил Бога избавить меня от чаши, не добавляя второго. Я хотел комфортного христианства. Христианства без распятия. Но путь ученика — это не уклонение от боли, а испрашивание сил испытать ее до дна. «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24). Крест — это не ювелирное украшение на груди. Это орудие позорной и мучительной казни. Взять его — значит дать согласие на умерщвление своего «я». Я годами носил крест на шее, но не брал его на плечи. Мое первое христианство было попыткой следовать за Христом без креста — а это невозможно. Это как пытаться плыть без воды или лететь без воздуха.

Тьма души, в которую я погрузился, была не отсутствием Бога, а отсутствием моих иллюзий о Нем. Бог закрыл свет Своего Лица, чтобы я перестал цепляться за Его образ и начал искать Его волю. «Истинно Ты — Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель» (Ис. 45:15). Он сокрыт. Он — тайна. И Он ревниво оберегает Свою инаковость. Я пытался втиснуть Его в рамки своих богословских схем, как Прокруст

втискивал путников в свое ложе. Я создал Бога по своему образу — Бога, который должен отвечать на молитвы определенным образом, Бога, который гарантирует мне душевный комфорт, Бога, который подчиняется законам логики и справедливости в моем понимании. Когда реальный Бог перестал уместиться в эту клетку, клетка рухнула, и я рухнул вместе с ней. И слава Богу за это.

В ту ночь, на самом дне, когда не было сил даже на слова, я просто выдохнул: «Отче». Не «Господи Иисусе Христе, Боже наш», не «Царю Небесный», не «Владыко Многомилостиве». А просто «Отче». Как ребенок, который в темноте зовет отца, не зная, где он, но веря, что он где-то рядом. Это было дерзновение отчаяния. Ведь именно так научил нас молиться Сын: «Когда молитесь, говорите: Отче...» (Лк. 11:2). Он дал нам право на сыновство. Он ввел нас в Свои отношения с Отцом. И в этом крике «Авва, Отче!» (Рим. 8:15), который Дух Святой производит в нашем сердце, я вдруг почувствовал присутствие. Не голос, не свет, не видение Ангела. Не было никакой сладкой сентиментальности. Это было суровое, властное, тяжелое присутствие — как если бы кто-то накрыл меня тяжелым, плотным шерстяным плащом. Плащом рыцаря. Плащом, который защищает от ветра и дождя, но сам по себе груб и тяжел. Так Бог отвечает тем, кто дошел до края: не конфетой, а Своим молчаливым присутствием, которое не решает проблему, но дает силу ее нести. Я не получил ответов на свои вопросы. Я не понял, за что мне это. Я

не вышел из кризиса. Но я перестал быть в нем одинок. Тьма осталась тьмой, но внутри нее появился Некто. Тот, Кто сошел во ад и вывел оттуда пленников, сошел и в мой маленький ад. И тогда я заплакал — не от горя, а от облегчения, как плачет ребенок, когда его, потерявшегося в толпе, находит отец. Это были первые слезы не отчаяния, а надежды за долгие месяцы. Я уснул впервые за долгое время. И проснулся с мыслью: «Он здесь». Это еще не было воскресением, это был только Великий Пяток. Но после Пятка бывает Пасха.

ГЛАВА 2. РАЗРУШЕНИЕ ХРАМА РУКОТВОРНОГО

Проснувшись, я не стал другим человеком. Старые привычки мышления никуда не делись. Они были встроены в нейронные связи, въелись в плоть, как запах табака въедается в одежду курильщика. Я все еще думал, что мое исцеление должно произойти определенным образом: я пойду в храм, к старцу, он прочтет надо мной разрешительную молитву, и благодать хлынет потоком. Или я причащусь — и сразу станет легко и радостно. Во мне жил этот магический подход к таинствам, глубоко чуждый духу Евангелия, но, увы, часто встречающийся среди нас. Мы, сами того не замечая, превращаем Церковь в «священный автомат»: опустил монетку (свечку, записку, поклон) — получил товар (исцеление, удачу, спасение). Это язычество в христианской упаковке. И Господь, как заботливый врач, должен был разбить и этого идола.

Я пошел в храм, в котором знал каждый угол с детства. Это был величественный собор, построенный в стиле барокко, с золоченым иконостасом, с фресками, на которых святые смотрели строго и отрешенно. Раньше я любил это место за его эстетику, за запах ладана и воска, за пение хора, которое волнами поднималось под купол. Теперь же я смотрел на все это и чувствовал... пустоту. Золото казалось мишурой, фрески — просто краской на сырой штукатурке, пение — театральным представлением. Люди вокруг крестились, кланялись, прикладывались к образам, а я стоял как истукан, лишенный способности к ритуальному действию. «Мерзость запустения на месте святе» (Мф. 24:15) — эти слова, которые я раньше относил к последним временам и антихристову храму в Иерусалиме, вдруг обрели иное измерение. Святое место — это не только иерусалимский Храм и не только наш собор. Святое место — это душа человеческая. И мерзость запустения — это не статуя Зевса, поставленная Антиохом Епифаном, а мое собственное «я», возведенное на престол сердца, моя гордыня, рядящаяся в ризы благочестия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.